

НЕДАВНО ОДИН МОЙ ДРУГ, крупный учёный, автор многих книг и открытый, сказал мне: "Жизнь клоуна к закату, а я понимаю, что не ту профессию выбрал". Пожалуй, это одна из ошибок, которые исправить невозможно.

Мне повезло. Я с каждым днём, с каждым годом убеждаюсь в том, что профессия, которая мне выпала на долю, профессия реставратора иконописи, открывателя произведений искусства, — дорога мне прежде всего потому, что в этой области работают очень интересные люди.

Реставраторы — народ уникальный. Так получилось, что в России эта профессия стала если не самой главной и определяющей, то наряду со всеми остальными профессиями она занимает своё место в нашей общественной и производственной сфере. Когда в России в конце 19 — начале 20 века серьёзно стали заниматься реставрацией и изучением древнерусской живописи, к новому делу, кроме профессиональных иконописцев-реставраторов, кроме священников, участвовавших в этом процессе, подключились и широкие культурные круги. Открытие древней иконы не проходило незамеченным ни для художников, ни для писателей, ни для историков. Пора уже написать книгу обо всех этих людях, от всемирно известных учёных до незаслуженно забытых

реставраторов. Общение с реставратором всегда само по себе открытие. Будь то реставратор графики, реставратор прикладного искусства, иконы, масляной живописи... Если человек надолго остаётся один на один с произведением искусства, он не может остаться к нему безучастным.

Когда первые памятники легли ко мне на стол во Всероссийском реставрационном центре, они стали частичкой моей жизни. Каждую икону я помню, с каждой из них связаны особые переживания.

Вспоминаю, как я восстанавливал большую житийную икону Иоанна Богослова из Вологды начала 16 века. Сколько с ней проблем было! Сейчас приезжаю в музей, вижу эту вещь — и как будто встретил близкого тебе человека.

Я хорошо узнал очень многих людей, работающих в области реставрации, особенно когда мне довелось делать фундаментальную Всесоюзную выставку реставрации, в которой приняли участие все работавшие тогда в шестнадцати республиках специалисты. А когда все они собрались на Крымском валу, в Центральном доме художника, где выставка заняла всё его помещение, я понял, что это мощнейший отряд подвижников. Я никогда не забуду праздничного настроения, охватившего людей. Иногда говорят: "Реставратор — это ведь и художник, ему часто прихо-

дится наступать на горло собственной песне, отказываться от каких-то своих личных поисков", — но настоящий реставратор, если хочет заниматься творчеством — всегда найдёт для этого пути.

Я пришёл к выводу, что подлинный мастер, особенно когда речь идёт о восстановлении памятников древнерусской живописи, должен сдерживать свои порывы и быть слугой памятника, который он открывает. Из Всероссийского реставрационного центра я ушёл, потому что там было повальное увлечение дописями и восстановлениями уникальных произведений. Брели, скажем, икону из Переславыя, семьдесят процентов левкасили, и по этому левкасу дописывали утраченное.

Искусство иконописи абсолютно канонично и не терпит вмешательства в первоначальный замысел. Настоящий реставратор никогда не позволит себе быть на "ты" с авторской живописью. За время работы мне посчастливилось встретить столько замечательных людей, каждый из них — возьмите Николая Федышина из Вологды — это целый мир! Человек маленького роста, тихий, спокойный, я его, как говорится, под лестницей нашёл, когда я первый раз оказался в Вологде, он ютился в музее в совершенно непригодном помещении с женой, с детишками маленькими под лестницей, где не было

никаких условий для жизни... И я когда с Колей работал, то ни разу от него не услышал жалобы на неустойчивость. Он приходил в мастерскую и погружался в мир иконы. Я когда в Вологде приезжаю и смотрю экспозицию, то всюду вижу подписи — Федышин, Федышин, Федышин! Неужели один человек мог столько сделать? А сделано это на высочайшем уровне!

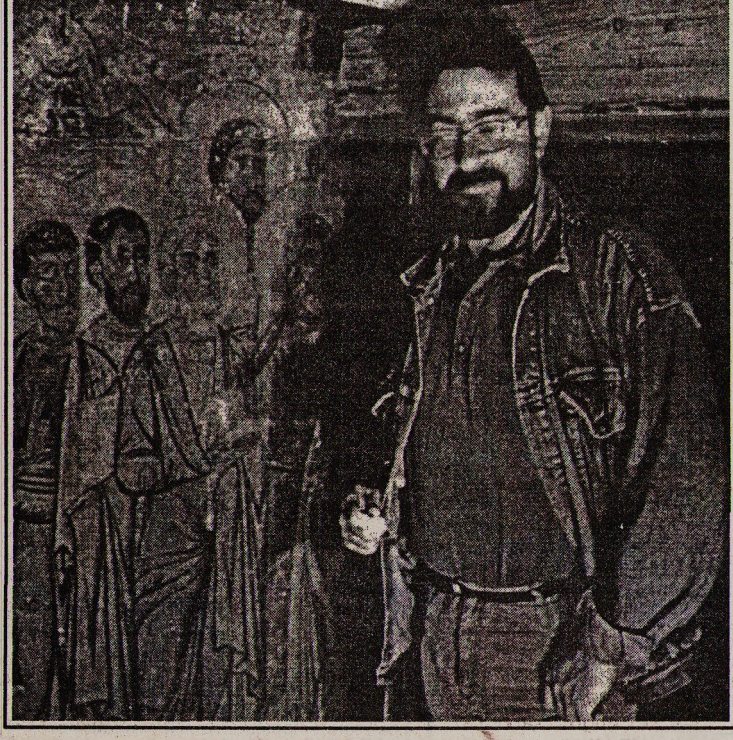
Для меня поездки в провинцию и походы в другие реставрационные мастерские, встречи с реставраторами — это всегда праздник. И ещё раз повторю, что мне очень повезло с профессией. Время идёт, мы стареем, но я всегда с радостью вижу, как приходят молодые. Среди тех, с кем мне посчастливилось вместе работать, — реставратор, который ненамного, но всё-таки моложе меня, сын моего университетского профессора Дмитрия Владимировича Сарабьянова, к которому я отношусь с величайшим почтением.

Я знал, что Володя Сарабьянов начал работать в Новгороде, и много слышал о нём, а познакомился с ним в Мирожском монастыре. Для меня Мирожский монастырь как для человека, любящего Псков, — одно из самых дорогих мест в России. Издавая книги и альбомы, изучая фрески Мирожского монастыря, написанные в 12 веке, я сожалел, что так много из них пропало в результате реставрации 19 века. И когда после дли-

Савва ЯМЩИКОВ
Созидающие

тельного перерыва я приехал в Мирож, где работал Володя со своей бригадой, — то был потрясён его открытием! Сколько новых фрагментов появилось, целые композиции, и весь комплекс совершенно по-новому смотрится. Я стал внимательно следить за тем, что Володя делает в Новгороде, в Антоньевом монастыре, в Снетогорском монастыре во Пскове. Знаю, что работая в Москве, он и реставрацией икон на самом серьёзном уровне занимается. Постепенно стали появляться его историко-искусствоведческие труды. Володин книги и по Мирожскому монастырю, и по Ладгове, по Снетогорскому монастырю, как всё, что он делает, — основаны на прекрасном знании материала, абсолютной заинтересованности делом, которому он служит.

Владимир САРАБЬЯНОВ:
«ГЛАВНАЯ
ЦЕННОСТЬ -
ИСТОРИЯ НАША!»

Савва ЯМЩИКОВ. Володя, ты очень много успел сделать. Что значит для тебя твоя профессия? Что самое важное в этой профессии, наиболее интересное?

Владимир САРАБЬЯНОВ. Моя профессия давно превратилась для меня в образ жизни. Жена всё время ругается, что я беспрерывно "убегаю на работу". Потому что я не могу без этой работы существовать. Она — часть моего "я". И когда дома нахожусь, я занимаюсь тем же самым. Для меня это как бы спросило — реставрация и исследование памятников. Мне очень повезло, Георгий Сергеевич Батхель, был удивительным человеком, тонким, никогда не оказывавшим давления. В жизни он не позволил бы отношению к реставрации, как к постороннему предмету. Он к нам очень осторожно, трепетно относился, при этом давая максимум самостоятельности. Как заболитивший отец, за нами присматривал, и когда какие-то действия были на грани, мог сделать замечание, и замечание серьёзное. Но давал пространство для полёта. Надо сказать, что в его бригаде, когда я туда поступил в 1978 году, я был самый молодой, не понимал, что происходит вокруг, и уж тем более в древнерусском искусстве. Он меня и научил. Вы сказали, что я из искусствоведческой семьи, мои отец и мать — искусствоведы, и у меня, как и у всех молодых людей, было некоторое предубеждение против опыта родителей, максимализм такой юношеский. Поэтому я, когда школу закончил, сразу пошёл работать. И именно Георгий Сергеевич меня сподвигнул на то, что всё-таки надо учиться: умение умением, ремеслом ремеслом, это одно дело, но надо всё-таки иметь и образование. И он настоял, чтобы я пошёл в университет, где учился на вечернем отделении, без отрыва от производства.

Георгий Сергеевич тогда являлся одним из ведущих реставраторов по монументальной древнерусской живописи, а надо сказать, что вообще монументалистов-древнерусников всегда было очень мало. И сейчас их мало. Так складывается, что остаются в отделе реставрации древнерусской монументальной живописи очень немногие. Естественно, что ему давали в работу замечательные памятники. Когда я пришёл, мы работали в Троице-Сергиевой лавре, в Троицком соборе, а параллельно с этим начали реставрацию в Новгороде, в Георгиевском соборе Юрьева монастыря, где были фрески 12 века. Я оказался волею судеб в самом эпицентре всех открытий. Это у нас называется "взять объект", вот мы и брали объекты — сначала Георгиевский собор Юрьева монастыря, потом Рождественский собор Антониева монастыря в том же Новгороде. Далее последовала Георгиевская церковь в Старой Ладгове, там вообще уникальные фрески 12 века, вы их прекрасно знаете, конечно... В нашем ареале оказалось около десятка первостепенных памятников древнерусской монументальной живописи 12-15 веков. Георгий Сергеевич был уже немолодым тогда и, к сожалению, несколько лет назад умер. Постепенно он переложил обязанности бригадира на меня. Он мне поручал вести эти объекты, хотя формально был бригадиром, приезжал к нам регулярно, смотрел, что мы и как делаем, но основную работу осуществлял я. А потом через какое-то время это всё официально перешло под моё начало. Вот таким образом я оказался руководителем нашей бригады, и у нас сейчас около двадцати храмов с замечательными росписями, это древние памятники Новгорода, Пскова в первую очередь — кроме того, Старая Ладгога, там тоже два храма с фресками 12 века; ещё есть подмосковные объекты — в Александрове, сейчас намечается у нас работа в Можайске. В общем, объектов очень много, работы очень много, и к сожалению, приходится распыляться. Причина в проблеме финансирования — оно у нас головоугодно устроено, как всегда... Это отдельный разговор. Но ничего, мы справляемся. И должен сказать, что уже не понимаю, как можно без этого жить. И если бы я один не понимал, но наша бригада вся — нас человек пятьдесят-семьдесят, мы все единомышленники. Начала мая — уже все сидят на чемадонах: "Когда поедем в командировку? Когда выезжаем на памятники?" У нас своя жизнь начинается, мы живём как бы семьёй, друг друга понимаем прекрасно, никто никого не обижает, у нас нашлась гармоничная форма существования. Как правило, нас селят в каких-нибудь халупах, это обычная экспедиционная жизнь. Кое-где мы уже обжились за двадцать пять лет работы — в Новгороде, во Пскове у нас образовались приличные условия, но местами, скажем, в Ладгове — это страшное дело, просто жи-

вёшь как на вулкане... Но ничего, нас это не останавливает. Мы эту работу очень любим и без неё не знаем, как жить. Все эти последние несколько лет деньги нам выплачиваются только под Новый год, но мы работаем в долг, и нас это не смущает... Так что я отвечаю и за себя, и за других.

С.Я. Володя, поскольку я в монументальной живописи наблюдаю, то преклоняюсь перед тем, что вы делаете. Вот во Пскове... Я себя частично считаю псковичом, ты помолоде меня, но более коренной пскович, потому что я приезжаю и живу в гостинице обычно, а ты и домашний очаг себе обустроил во Пскове. Мирожский монастырь — уникальный памятник, и он теперь уже будет связан с тобой так же, как с теми реставраторами, которые впервые в начале 20 века занимались его реставрацией. Что для тебя Мирожский монастырь и что для тебя Псков?

В.С. Псков для меня — вторая родина, это мой любимый город. Я к нему прикипел всем своим существом и действительно там у меня уже образовалось своё жильё, и мои родные — жена, дети — очень любят там бывать, мы туда ездим и на Рождество, и на Пасху, это у нас стало обычаем. У нас там круг очень близких людей сохранился. Ну, конечно, это связано с моей работой. Разве я стал бы укореняться, если бы не было Мирожского, Снетогорского монастыря и Мелётова? Если уж речь зашла о Мирожском... Всё, что я могу сказать о Мирожском, можно сказать и о других храмах. Они равноценны в этом отношении. Но Мирож — с ним очень сложная была история. Это храм, расписанный в середине 12 века, у него сложная судьба, как и у всех памятников древнерусских — его и разрушали, и он горел, и в конце концов его забелили в 17 веке, а потом, в 19, раскрыв эту древнюю живопись, её всю переплели заново. И начиналась с советского времени, с двадцатых годов, долгая история его реставрации. Очень сложная ситуация была — никто не мог толком разобраться, потому что предшествующая реставрация, её вёл Дмитрий Евгеньевич Брягин, тоже покойный, который не стремился раскрыть максимально древнюю живопись. Он ушёл из жизни, реставрацию завершив вроде как... Никто не мог толком сказать после его реставрации — где подлинник, а где пропись 19 века. И надо было долго вникать в этот памятник. Мы тогда работали на Снетогорском монастыре, нас стали приглашать музейные сотрудники — посмотреть, как да что. И на двадцатый-тридцатый раз моего внимательного осмотра на эти фрески я вдруг увидел: вот — подлинник, а вот — остатки записи! Она, конечно, везде там была, она была бессистемно оставлена, и в результате закрывала процентов 70-80 подлинной живописи. И я уговорил комиссию министерскую — судьба таких памятников решается на министерском уровне — дать мне задание на пробные расписки. Все ведь боялись, что там не сохранилось оригинала — но вдруг оказалось, что он в прекрасной сохранности в массе — огромные куски живописи очень хорошей сохранности. Где-то, конечно, были утраты, но памятник можно было раскрывать смело — в том плане, что если есть хотя бы половина сохранная, то вторая половина, пусть даже она утрачена, будет гармонично смотреться на фоне больших сохранных кусков. Таким образом постепенно выработалось новое видение этого памятника, новая его концепция. Сейчас у нас там масштабные работы идут, мы его раскрываем, я мечтаю его опубликовать, издать — это моя заветная мечта, потому что это памятник мирового уровня, это очевидно. Причём это византийский мастер его расписал, это высочайший столичный уровень. Такие памятники можно по пальцам двух рук сосчитать — свободные останутся...

С.Я. Ты сейчас упоминаешь Мелётово. Я люблю фрески Мелётовского храма. Местность эту, Поле, где храм стоит, Мелётово — стык земли Псковской и Новгородской, тут чувствуется влияние Феофана Грека. Как ты предполагаешь, будут там ещё открытия?

В.С. Несомненно. Пока ситуация невнятная с этими фресками. Они недораскрыты. Они под плотным слоем плесени. Там только-только завершилась архитектурная реставрация, памятник приведён в прекрасное состояние, за ним наблюдает музей, система хранения хорошая — всё сделано для того, чтобы можно было делать музейную реставрацию фресок. Дело за малым — за финансами. Я надеюсь, что следующий сезон будет началом наших значительных работ. Мы там сделали противоаварийные работы. Конечно, много откры-

ется. Главное, живопись будет раскрыта — станет видна, мы сможем прочесть всё, что там изображено, понять всю эту невероятно сложную и очень интересную систему. Эти фрески наполнены книжным материалом, знаем литературу, апокрифы, сказаний, не просто евангельского повествования, а того, что вокруг этого евангельского повествования образовалось в христианской культуре — псковичи всё это проиллюстрировали. С одной стороны, памятник очень насыщенный, с другой — он по-псковски простодушный и открытый. Это такое редкое сочетание, по-своему идеал христианского искусства. И всё это мы увидим наконец!

В Снетогорском монастыре у нас, слава Богу, дело пошло. Когда мы там начали работать в 1985 году, всё было в ужасно запущенном состоянии, штукатурка отстала от стен, и мы пять лет их только укрепляли. Это процесс довольно трудоёмкий. И потом был перерыв лет восемь, а в последнее время стали там уже делать музейную реставрацию. То есть мы эти фрески чистим, укрепляем красочный слой, приводим в экспозиционный вид. Это тоже процесс длительный, но уже сняли леса с барабана и с парусов. Моя мечта издать этот памятник, сделать полноценную, большую монографию. Потому что там есть о чём можно поговорить, у меня масса многолетних наблюдений.

С.Я. Мы с тобой — псковские москвичи или московские псковичи, и для нас с тобой сейчас Псков — большое место. Государство слабое, как никогда... Псков выпал из обоймы провинциального общего настроения: всё-таки в провинции к памятникам относятся с большим тщанием, чем в Москве. Это видно по Ярославлю, по Вологде, по Карелии той же, по другим местам. Вдруг Псков, попавший в эпоху варварского первоначального накопления капитала, забыл о том, что город-то держится на том, о чём мы с тобой говорим, на том, что мы с тобой сохраняем. Я ведь не для красного словца сказал, что сейчас там положение хуже, чем после войны. Понимаю, что разруха военная — страшная вещь, но ведь в 1944 году, когда Псков освободили, к осени уже был план восстановления Пскова с учётом всех памятников, создания заповедных зон, и разрабатывали это крупнейшие учёные в Москве, в Ленинграде, а мощные реставрационные силы из Ленинграда были брошены во Псков. Сейчас же положение чудовищное! Это повальное "элитное" строительство! Ведь Псковская земля обладает богатейшим архитектурным наследием! Мне сказали: вот вы там ратуете за памятники — а вас очернятелями будут называть Володя, ты живёшь во Пскове. Как тебе видится нынешнее его положение? Ведь город практически на глазах уходит, старый город — начиная с рек, деревьев и кончая церквями. Я своё мнение высказывал, мне бы хотелось, чтобы ты и сказал своё.

В.С. Что говорить? У меня есть возможность сравнивать два города — Новгород и Псков, поскольку я и там, и там работаю. Они находились в одинаковом положении полубезхозности. Понятно, что Псков и Новгород — два самых древних города наших, и тем не менее там эта безхозность была, и это не вызвало никакого противостояния в восприятии, а сейчас ситуация изменилась в Новгороде в одну сторону, а в Пскове — в другую.

Новгород на глазах приобретает всё лучший и лучший облик, видно, что городские власти элементарно заботятся об облике города, следят за тем, чтобы храмы были видны, чтобы были отреставрированы, чтобы забор, который ставится вокруг церкви, не стоял там вечно, чтобы работа происходила на глазах. Город выглядит очень pristoino. Ты едешь по улице, видишь — налево храм, направо храм... По Пскову ты едешь — во-первых, ты ничего не видишь, поскольку всё заросло, как лес, во-вторых, если ты что-то и видишь, то вместо храма ты видишь забор — якобы ведётся реставрация. Храм Богоявления в Залсковье — шедевр мировой архитектуры — в таком безобразном состоянии находится! Сначала его довели до того, что обвалился придел, а потом, когда уже начался скандал, приступили к реставрации — и она тянется и тянется. Все отговорки местной администрации смешны, потому что мы прекрасно понимаем, что планирование работ на местах — это их дело, их обязанность и на их совести лежит. И если это не спланировано должным образом, значит, виновата не Москва, которая денег не даёт, не какие-то ещё структуры непонятные, а они виноваты, что не смогли организовать

должного уровня проведения этих работ! Конечно, Псков в очень тяжёлом состоянии сейчас находится. Правда, палаты Меньшикова отреставрировали наконец-то, нашёлся заказчик. Но ведь на храм не найдётся заказчик! Палаты — светское сооружение, их приспособили под зеленхоз. А храм не приспособишь под зеленхоз — его можно приспособить либо под храм, либо под музей. В Пскове самое ценное, что есть — это его история, его памятники, мемориальные объекты, он этим живёт.

С.Я. Повальное увлечение строительством гостиниц. Я в прошлом году привозил очень крупного немецкого дипломата, который много поездил по миру, и когда я ему показал, что гостиницы начинают строить рядом с Кремлём, он сказал: "Савва, вот мы живём в гостинице "Рижская", там чистое бельё, есть вода, ресторан... Если я хочу хорошую гостиницу, то поеду в Монте-Карло, на Майами, на Канарские острова — а здесь мы должны смотреть архитектуру, живопись, музей!" Мы с тобой весной были в комиссии у Богоявления у Залсковья: одну гостиницу в тридцати метрах построили, сейчас ты мне говоришь, уже вторую заложили. А в городе торчат две недостроенных гостиницы! Ведь это чудовищно! И сваливают друг на друга — губернатор говорит, что это мэр, мэр говорит, что губернатор... Всё-таки борьбу, которую мы начали, без участия центра, без волевого решения сверху — на уровне Президента, Совета федерации, Совета министров — не выиграть, мы потеряем этот город!

В.С. Конечно. И гостиницы эти будут не нужны, потому что во Псков же едут не купаться в Пскове, ведь правда?

С.Я. Тем более, что она сгнила. В.С. И не загорать на псковском чудосочном пляже. Едут смотреть древности Пскова, а древности и гибнут в первую очередь. И гостиницы скоро уже будут не нужны.

С.Я. Ты говорил про новгородские памятники. Я уверен, что не получаю Н.Н.Гринёва, директор тамошнего музея, больше денег. Ты посмотри, сколько он за последние несколько лет сделал! Дворянский собрание полностью приспособлено под музейные разделы 18 — начала 20 века. Блистательная галерея. А уж то, что они открыли экспозицию иконую — явление мирового значения! Двести километров с небольшим всего отделяют один город от другого. Тут важно желание! В.С. У Николая Николаевича Гринёва инициатива на первом месте — он для своего музея добился того, чего другие не могут добиться. Но если он добился — значит, потенциально это возможно, и другие музеи могут точно так же добиться? Только для этого надо шевелиться, ездить всё время в Москву, привозить стелу непонимания, которую министерские чиновники ставят — пока в них прямой наводкой не стрельнёшь, они ничего понимать не хотят. Но тем не менее это приваемо.

С.Я. Псков мне ближе, чем Новгород. Когда сравниваешь Новгородский музей с Псковским, становится страшно. Входишь во двор музея — и сразу чувствуется запущенность, а ведь у музея богатейшие фонды, масса вещей, которые можно показывать, от икон до двадцатого века — музей-то богатый сам по себе. И причём фонды заложены ещё в своё время Плوشинским и Леонидом Алексеевичем Твороговым — основа у музея прекрасная! Когда говоришь об этом музейщикам, они обижаются... А чего обижаться? Надо дело делать! Всё нынешнее лето музей простоял полуустой — в какой-то маленький голландский городок увезли почти всю экспозицию. Зачем? Туристический сезон! Зачем вы гостиницы тогда строите? Чтобы вложить деньги? И работа наша будет не нужна тогда! В общем, Псков в очень печальном положении. И Новгород свои проблемы есть, у всех есть свои проблемы. У Гринёва не стоит мешок с золотом, но есть умение собрать коллектив! Я посмотрел на сотрудников, которые делали иконную экспозицию, сейчас готовят трёхтомный каталог, конференцию, — а во Пскове ведь тоже есть сотрудники музейные, которые готовы работать! Главное — организовать! Иначе мы Псков потеряем.

Володя, я хочу тебе традиционный вопрос задать: что в твоих планах, что больше всего хочешь сделать, имея в руках такую профессию, будучи подготовленным специалистом?

В.С. Когда я только начинал работать, был молодой, горячий, и мне казалось: вот мы сейчас тут всё сделаем быстро, всё отреставрируем! У меня была мечта, и сейчас ничего не изменилось в плане этих мечтаний — мне на жизни отпущено те основные памятники древней монументальной живописи комплексно отреставрировать, я представляю себе, как это сделать, и вся наша бригада хорошо представляет. И вторая моя мечта — чтобы я мог все свои наблюдения опубликовать. В идеале мне бы хотелось по каждому памятнику сделать монографию. Два монографических издания я выпустил: по Старой Ладгове, а сейчас только что вышел коллективный труд по памятникам раннего 12 века, где мне принадлежит большой раздел о соборе Антониева монастыря. Дело в том, что за много лет работы на этих памятниках я имел возможность многое увидеть и разглядеть. И понять, что простой искусствовед наездом не увидит не в силу недостатка знания, а в силу того, что для того, чтобы проникнуть в суть памятника — фрагментированного, кусочками — чтобы увидеть его целиком, нужны годы наблюдения. У меня этих наблюдений много, я ими переполнен, и мне бы хотелось, чтобы это всё не пропало, чтобы я успел за свою жизнь это реализовать.

С.Я. Я считаю, что у тебя по возрасту времени ещё много, будем надеяться, что и эти твои мечты и планы будут осуществлены. Мне хочется, чтобы в ближайшем будущем мы сказали, что во Пскове началось возрождение города, возрождение того, чем Псков славен. И в этом наша задача. Для этого стоит жить и работать. Удачи тебе в твоей нелёгкой, но ещё раз, как и в начале, хочу сказать — замечательной профессии, которая на нашу долю выпала!